

Грузинский Орфей

А ВТОР публикуемых ниже воспоминаний о выдающемся грузинском певце Ване Сарадживили — Михаил Георгиевич Квалишвили многие годы работал режиссером-постановщиком в Тбилиском государственном академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили. В театр он пришел в 1921 году. С тех пор М. Квалишвили поставил более 50 оперных спектаклей, в том числе на сцене Большого театра СССР, в котором в предвоенные годы он работал шесть лет.

Очерк «Грузинский Орфей» взят нами из рукописи книги воспоминаний.

ВАНЕ САРАДЖИШВИЛИ умер в расцвете своих творческих сил, 11 ноября 1924 года. Пылкий и темпераментный, вдохновенный, как поэт, изощренный художник, пленявший своим филигранным исполнителем мастерством, наделенный необычайно гибким, ласкающим тембра голосом, — Ване был любимым певцом своего народа. И народ его любил, лелеял, до сих пор помнит и будет помнить всегда.

Я неоднократно бывал свидетелем его бурного успеха. Слушатели забрасывали певца цветами, делали ему ценные подарки. По его успеху при жизни можно судить о любви народа к нему, но все это меркнет перед тем печальным выражением любви, свидетелем которого я был 16 ноября 1924 года, в день похорон Ване.

Это был день поистине всенародного горя. Стихийное стечение народа, запрудившего улицы до отказа; люди на балконах, в окнах и даже на крышах домов!

От Дома писателей на улице Мачабели, места выноса тела покойного, до здания оперного театра, в саду которого похоронен Ване, яблоку негде было упасть. Траурная процессия не могла проложить путь в толпе,

народ подхватил гроб с телом Ване и сам понес его. Но идти все равно было невозможно, гроб передавали из рук в руки, через головы...

Очень искренне и к моменту прозвучал чей-то печальный голос: «Прости, дорогой Ване, что мы не сумели вовремя принести тебе воды бессмертия из девяти источников!».

Были уже глубокие сумерки, на улице зажегся электрический свет, когда гроб донесли до здания театра. Путь короткий, но скорбный и тяжелый! Кто из присутствовавших тогда на похоронах может забыть тот горестный момент, когда с балкона театра раздались торжественные, полные глубокой печали звуки «Мицхри дацко». Это Евгения Попова — первая Маро («Даиси»), от имени друзей и соратников по искусству, от имени всего народа, оплакивала своего незабываемого Малхаз!

Несколько дней спустя был объявлен траурный спектакль «Абесалом и Этери». По предложению Котэ Марджанишвили, опера шла без Абесалома, лучшим исполнителем которого был Ване. Партию Абесалома исполнял на виолончели солист оркестра Э. Капельницкий, на сцене же действенную линию Абесалома, т. е. мизансцены, выполнял луч света. Лилась широкая напевная мелодия Абесалома, на сцене безмолвно двигался холодный белый луч, к которому обращались все исполнители оперы. Это производило незабываемое впечатление. В зале царил напряженная тишина, изредка нарушаемая всхлипываниями зрителей.

Это гнетущее настроение зрительного зала я воспринимал всеми фибрами души — Сандро Ахметели и я по очереди водили по сцене лучом света, согласно мизансценам Абесалома. Руки у меня дрожали от волнения; несмотря на жару от нагретого фонаря, лоб покрылся холодным потом.

Впервые мы все слушали любимую оперу с таким тяжелым чувством, не награждая исполнителей аплодисментами, безмолвно отдавая дань уважения и скорби памяти своего Орфея.

13 ИЮНЬ 1964

М. КВАЛИШВИЛИ
г. Тбилиси

Необычайно широк был певческий и артистический диапазон Ване Сарадживили. Я не знаю другого певца, который обладал бы такой совершенной артистичностью, такой необычайной музыкальной интуицией. Они давали ему возможность проникать в самую суть исполняемой вещи и убеждать слушателя в том, что иного исполнения нечего и желать. Была ли это легкая неаполитанская песенка, глубокая по драматизму ария, или тонкий по настроению романс, — Ване безошибочно находил нужный тон, характер, тончайшие оттенки.

Я не анализирую сейчас подробно его творчество, но не могу не отметить, что при огромной музыкальной одаренности Ване, — все это было также и результатом его большой артистической культуры и напряженной работы над собой, результатом неустанных поисков лучших средств художественной выразительности.

Это по его инициативе и настоянию Захарий Палиашвили написал замечательную арию Малхаз «Таво чемо» в опере «Даиси».

В совершенстве владея вокальной техникой, шутя преодолевая грани от форте к тончайшему пианиссимо в любых выюких регистрах голоса, Ване, как искусный художник кистью, своим пленительным голосом рисовал картины разнообразных чувств и настроений, увлекался сам и увлекал слушателей.

Не могу не упомянуть об одном эпизоде. В 1923 году в Тбилиси на гастроли приезжал прославленный русский певец и обаятельнейший человек — Леонид Витальевич Собинов. Котэ Марджанишвили устроил в его честь обед у себя. Среди приглашенных были Иван и Захарий Палиашвили, Илья Зурабишвили, Ване Сарадживили, Владимир (Ладо) Свимионшвили, певица Любовь Маркова. Был и я. За столом Ване попросили спеть. Захарий сел за рояль. Спел он «Таво чемо» с большим настроением, мастерски филируя верхние ноты. Л. В. Собинов, как зачарованный, слушал его: по

окончании пения он встал, подошел к Ване и расцеловал его.

— Я забыл, когда так пел, — сказал он, — Зачем вы приглашаете меня на гастроли, когда у вас есть такой чудесный певец?

В оперном жанре Ване проявлял свои незаурядные актерские способности с полной силой: на сцене он был поистине актером больших эмоций и переживаний, полных глубокого драматизма.

Обладая по существу лирическим тенором, он рвался к партиям драматического характера и, нужно отдать ему справедливость, мастерски их исполнял. Не раз он говорил мне: «Какое это несоответствие, голос у меня лирический, а темперамент — драматический»...

Наделенный прекрасными сценическими данными — стройной фигурой, выразительным лицом с чудесными глазами в рамке бархатных ресниц, хорошо развитой мимикой и пластичным телом, а, главное, пылкой душой, Ване создал ряд запоминающихся образов. Восторженный вначале, а затем скорбящий в безысходном горе Абесалом, пылкий и отважный Рауль, одержимый Герман, изнемогающий под тяжестью рока Хозе — вот далеко не полный перечень созданных им образов. До сих пор вижу смертельно бледного Хозе, пришедшего умолять не признающую никаких уз, свободолюбивую Кармен. И до сих пор звучит у меня в ушах скорбный, полный безнадежного отчаяния возглас: «Разлюбила ты меня?».

Последним созданием безвременно ушедшего артиста был Малхаз. В прекрасный солнечный день сентября 1923 года в большом фойе театра была общая спевка готовившейся к постановке новой оперы З. Палиашвили «Даиси». Дирижировал Иван Палиашвили. Почему-то в этот день собралось много народа. Кроме солистов-исполнителей, артистов хора и других работников театра, пришли и представители общественности, которым были дороги судьбы грузинского искусства. Среди них был известный общественный деятель Илья Зу-

рабишвили. Малхаз пел Ване. Заключительную сцену прощания и смерти он спел изумительно. С огромной силой и потрясающей безнадежностью он выразил всю скорбь и трагизм расставания Малхаз с Маро. Такое исполнение даже для Ване было из ряда вон выходящим, необычайным! Все — от дирижера до последнего хориста — были потрясены, у всех на глазах были слезы. Такова была сила воздействия лебединой песни Ване Сарадживили!

Моральные, душевные качества создают вокруг каждого человека соответствующую атмосферу и устанавливают то или иное отношение со стороны окружающих его людей. Ване, как человек, в обыденной жизни, в общении с людьми, в своей общественной деятельности — был также обаятелен, подкупающе непосредственен, прост, как и в своем творчестве. Трудно себе представить другого взрослого человека, прошедшего больше половины своего жизненного пути, с такой открытой, нежной и незлобивой, я бы сказал, детской душой, как у Ване Сарадживили. По натуре нервный и вспыльчивый, он мог под влиянием момента (не по личным мотивам, а в процессе работы) даже и обидеть человека. Однако вскоре раскаяния и сожаления появлялись у него на глазах.

Помню, как у него произошла стычка с суфлером Н. Николаевым, кажется, не подавшим ему слов во время общего собрания принес ему извинения.

Добрый и отзывчивый, он всегда шел навстречу нуждам товарищей, ничего не было легче, как разжалобить Ване, расстрогать его и вызвать горячее желание помочь человеку. Необычайно доверчивый и даже наивный, Ване воображал себя хитрым и проницательным. Как сейчас помню его обаятельную улыбку, залихватый смех, когда он слушал или смотрел что-либо смешное, или как настораживался когда к нему обращались с вопросом, скрытого смысла которого он не мог сразу уловить. В глазах у него появлялись искорки, на лице, принявшем лукавое выражение, было написано: «Нет,

брат, меня не проведешь!» Но его успешно «проводили». Увлекающийся и по натуре очень любопытный, Ване очень любил всякие «сносшибательные» истории и с удовольствием слушал даже небылицы. Страстный охотник и постоянный спутник Леона Исецкого и Сандро Инашвили в охотничьих вылазках, Ване не был лишен обычных для охотника свойств, легко верил этим рассказам и сам их с увлечением рассказывал.

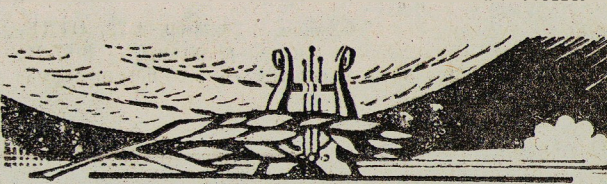
Как-то раз мы с Ване шли по проспекту Руставели. Кто-то сказал нам, что дигомские крестьяне убили огромного тигра и принесли его во двор музея. Ване побегал туда, как мальчик. Я еле поспевал за ним. Огромные размеры убитого тигра поразили нас. Ване оцупывал его, подробно расспрашивал крестьян — как и при каких обстоятельствах убили тигра; потом с таким азартом рассказывал в театре об этом, как будто он сам убил тигра.

Неукротимая жажда жизни и кипучей деятельности всегда владела им, и поэтому было особенно тяжело, когда болезнь подкосила его. Не подозревая о роковом конце, он реался в театр, к любимому делу. Почти ежедневно навещал я его. Он делился со мной своими планами.

Как-то раз, незадолго до его смерти, разговор зашел о новой постановке, кажется «Пророка» (главную партию в ней должен был петь тенор А. Мосин). Когда я ухотил, он сказал: «Ты передай им всем, что я скоро встану и покажу, как надо петь!».

К нашему глубокому прискорбию, встать ему уже не пришлось.

М. КВАЛИШВИЛИ.

290